

Война с Ираном

Администрация Трампа говорит на языке дипломатии, но при этом готовится к войне с Ираном, которая, в случае ее начала, положит конец американскому демократическому эксперименту.

Скотт Риттер

птн 20 фев 2026

Иран и США берут двухнедельный перерыв в переговорах по иранской ядерной программе, пока обе стороны возвращаются в свои столицы, чтобы обдумать то, что было вынесено на обсуждение на сегодняшний день. Иранская сторона выглядела несколько оптимистично: министр иностранных дел Ирана Аббас Арагчи заявил иранским СМИ: «Нам удалось достичь общего соглашения по ряду руководящих принципов, на основе которых мы будем действовать в дальнейшем и продвигаться к разработке потенциального соглашения».

Более показательными стали комментарии, сделанные вице-президентом США Джей Ди Вэнсом. «В некотором смысле всё прошло хорошо, — сказал Вэнс американскому СМИ после завершения переговоров во вторник. — Но в других аспектах стало совершенно ясно, что президент обозначил определённые красные линии, которые иранцы пока не готовы фактически признать и обсуждать. Поэтому мы продолжим работу над этим».

Ключевой вопрос, возникающий в результате этого обмена мнениями, заключается в том, что именно имеет в виду вице-президент Вэнс, когда говорит о «работе над этим».

В какой-то момент мировое аналитическое сообщество должно будет смириться с суровой реальностью: с точки зрения США, дипломатия не является вариантом. Политика США в отношении Ирана заключается не в поиске дипломатического пути к компромиссному решению, которое позволило бы Ирану обогащать уран в соответствии с его правом, закрепленным в статье 4 Договора о нераспространении ядерного оружия, а в смене режима в Тегеране.

Это означает, что Соединенные Штаты идут по пути столкновения с Ираном, и война начнется скорее рано, чем поздно.

Оглядываясь назад, можно сказать, что неизбежность этой войны была очевидна уже несколько месяцев — с тех пор, как администрация Трампа организовала события внутри Ирана, которые логически можно было бы расценить как содействие свержению правительства Исламской Республики Иран.

20 января 2026 г. министр финансов США Скотт Бессент открыто признал роль администрации Трампа в разжигании насильственных беспорядков в Иране в декабре 2025 — январе 2026 г.. «Президент Трамп приказал министерству финансов и нашему отделу OFAC (Управление по контролю за иностранными активами) оказать максимальное давление на Иран», — сказал Бессент перед аудиторией на Всемирном экономическом форуме, — «и это сработало, потому что в декабре их экономика рухнула, мы стали свидетелями краха крупного банка, центральный банк начал печатать деньги, возник дефицит долларов, они не могут импортировать товары, и именно поэтому люди вышли на улицы. Это экономическая политика, без выстрелов, и здесь все развивается очень позитивно».

Обвал иранского риала привел к массовым забастовкам 28 декабря 2025 года, в которых приняли участие владельцы магазинов и торговцы Тегерана, требующие от правительства мер по защите от волатильности рынка. Забастовки продолжились и на следующий день, распространившись на другие крупные города, где демонстранты вышли на улицы. На третий день демонстраций президент Масуд

Пезешкиан заявил, что правительство прислушивается к требованиям протестующих и что создается специальная группа для разработки новой экономической политики.

Однако к этому времени протесты из первоначальных демонстраций, основанных на экономических претензиях, превратились в нечто гораздо более злонамеренное — скоординированную антиправительственную операцию, направленную на устранение верховного лидера Ирана аятоллы Али Хаменеи и ликвидацию Исламской Республики, правившей Ираном с 1979 года.

В сообщениях, распространяемых этими новыми, высоко политизированными демонстрантами, прослеживалась общая черта, свидетельствующая о централизованном планировании и координации, которые были возможны только благодаря надежной и безопасной связи, как внутри Ирана, так и за его пределами.

К 30 декабря демонстранты стали весьма искусны в распространении тщательно отредактированных видеороликов изнутри Ирана, которые можно было использовать для иллюстрации послания, призванного представить режим как находящийся при последнем издыхании. «Смерть диктатору», «Смерть Хаменеи», «Ни Газа, ни Ливан — моя жизнь за Иран», «Мы все вместе» и «Сейед Али (Хаменеи) будет свергнут в этом году» — таковы были распространённые лозунги, которые небольшая группа протестующих повторяла снова и снова во время демонстраций. Затем эти кадры снимались на видео и распространялись по всему миру таким образом, чтобы создать впечатление, будто антиправительственные настроения являются движущей силой всё ещё преимущественно мирных протестов.

Ключом к такой связи была сеть терминалов Starlink, которые в течение нескольких лет были контрабандой ввезены в Иран. Считается, что количество таких терминалов составляет от 70 000 до 100 000, и большинство из них, если не все, были ввезены через границу по традиционным контрабандным маршрутам. Многие из этих терминалов были модернизированы с помощью специальных дополнений, предоставленных иностранными спецслужбами, такими как израильская «Подразделение 8200», что позволило им безопасно обмениваться данными с помощью технологии переключения частот, обычно доступной только самым передовым вооруженным силам в мире.

Роль, которую сыграл Моссад в содействии и поддержании протестов в Иране, не была предметом спекуляций. В редком открытом сообщении Моссад использовал свой аккаунт в Twitter на фарси, чтобы побудить иранцев протестовать против

иранского режима, сообщив им, что он присоединится к ним во время демонстраций. «Выходите вместе на улицы. Время пришло», — написал Моссад. «Мы с вами. Не только на расстоянии и на словах. Мы с вами на местах».

Одна за другой сети, поддерживающие Starlink, начали выходить в интернет. Одной из первых была сеть, управляемая Организацией народных моджахедов Ирана (РМОИ), также известной как Mojahedin-e-Khalq (МЕК) или Mojahedin-e-Khalq Organization (МКО). Бывший президент Ирана Эбрахим Раиси в 2019 году, когда он занимал пост главы судебной власти Ирана, связал ЦРУ с РМОИ. Израильский Моссад также использовал РМОИ для проведения целенаправленных атак против иранских ученых-ядерщиков. Участие РМОИ в информационных войнах на базе Starlink обеспечивает четкую связь между вооружением демонстраций и иностранными спецслужбами. Вскоре после активизации сети РМОИ последовали сети, связанные с Национальным советом сопротивления Ирана (NCRI), подразделением РМОИ, и Агентством новостей правозащитников (HRANA), прикрытием ЦРУ, предназначенным для сбора данных об иранских силах безопасности под видом документирования нарушений прав человека. Эти сети были вовлечены в организацию массовых протестов в различных городах Ирана и документирование мер безопасности, принятых иранским правительством в ответ на эти протесты.

К 2 января 2026 года протесты начали приобретать более насильственный характер, а их тематика перешла от первоначальных экономических претензий к темам, подкрепленным фотографиями и видеороликами, отправленными из Ирана оппозиционными группами, использующими Starlink, на которых были запечатлены протестующие, марширующие по улицам, скандирующие антиправительственные и промонархические лозунги и вступающие в жестокие столкновения с силами безопасности, в результате чего, по сообщениям, были убиты протестующие.

В ответ на это президент Трамп опубликовал на своей странице в социальной сети Truth Social слова поддержки протестующих, заявив: «Если Иран будет стрелять и жестоко убивать мирных протестующих, как это принято у них, Соединенные Штаты Америки придут им на помощь. Мы готовы к действию и готовы к бою».

Слова президента, по-видимому, спровоцировали значительный всплеск как размаха и масштаба протестов, так и уровня насилия, применяемого протестующими против объектов и сотрудников иранского правительства. В причинно-следственной связи, которая, как казалось, была задумана самими протестующими, вырос и уровень насилия со стороны иранских властей при подавлении выступлений. Различные оппозиционные сети, используя подключение

через Starlink, транслировали за пределы Ирана выборочно отредактированные видеоматериалы, формируя представление о повсеместной расправе над протестующими со стороны отчаявшихся иранских сил безопасности.

Этот период также ознаменовался растущим участием Резы Пехлеви, старшего сына последнего шаха Ирана, Резы Шаха Пехлеви, в мобилизации поддержки американского военного вмешательства, направленного на прекращение существования Исламской Республики Иран. Реза Пехлеви возглавляет фронт монархического возрождения, который тесно координирует свою деятельность с ЦРУ и «Моссадом». Однако, хотя Трамп направил своего доверенного специального посланника Стива Уиткоффа на тайную встречу с Резой Пехлеви в Майами, президент исключил возможность личной встречи с иранским монархистом, якобы из-за опасений, что у Резы Пехлеви отсутствует жизнеспособная сеть поддержки внутри Ирана, способная управлять страной. Вместо этого Трамп поручил своему зятю Джареду Кушнеру начать формирование группы ирано-американских бизнес-лидеров, которые могли бы содействовать переходу власти к новому правительству в случае отстранения нынешнего руководства Ирана от власти.

9 января Трамп вновь публично прокомментировал растущее насилие в Иране, отметив, что он «следит за ним очень внимательно», и открыто намекнув, что дни иранского верховного лидера у власти сочтены. Президент, комментируя предположение о том, что Али Хаменеи рассматривает возможность бегства в Россию, ответил: «Или куда-нибудь еще, да. Он ищет, куда бы уехать. Пришло время искать новое руководство в Иране».

Заявление Трампа совпало с новым анализом ЦРУ о растущих беспорядках в Иране, в котором впервые была дана оценка, что протесты могут привести к падению Исламской Республики.

Пламенная риторика Трампа достигла апогея 13 января, когда он опубликовал следующее сообщение на своей платформе Truth Social: «Иранские патриоты, ПРОДОЛЖАЙТЕ ПРОТЕСТОВАТЬ — ЗАХВАТЫВАЙТЕ ВАШИ УЧРЕЖДЕНИЯ!!! Запомните имена убийц и насильников. Они дорого за это заплатят. Я отменил все встречи с иранскими официальными лицами до тех пор, пока не прекратятся бессмысленные убийства протестующих. ПОМОЩЬ УЖЕ В ПУТИ. MAGA!!! (Сделаем Америку снова великой!!!)»

На мгновение показалось, что президент Трамп может выполнить свое обещание о поддержке, поскольку Иран закрыл свое воздушное пространство для всего гражданского воздушного транспорта в ожидании неминуемого нападения со стороны США. В то время США, по-видимому, поддерживали очень короткую и

резкую воздушную кампанию, направленную на уничтожение иранского руководства и подавление сил безопасности режима, чтобы помочь демонстрантам свергнуть иранское правительство.

Однако оценка Пентагона показала, что США не располагают силами, необходимыми для подавления способности Ирана наносить разрушительные ракетные удары по Израилю, американским военным базам в регионе и важнейшим объектам энергетического производства региональных союзников США. Израиль предупредил администрацию Трампа, что он сможет выдержать ответный удар Ирана силой до 700 баллистических ракет, но чтобы оправдать ущерб, который будет нанесен, США должны гарантировать, что результатом любой военной кампании против Ирана станет смена режима.

Это потребовало от Соединенных Штатов перестройки своего военного плана против Ирана и реорганизации структуры своих вооруженных сил для выполнения новых оперативных требований этого плана. А это означало, что президенту нужно было время, чтобы все сложить воедино. Буквально за одну ночь президент переключился с неминуемого военного удара по Ирану на важность дипломатии как средства предотвращения конфликта с Ираном.

Проблема дипломатического пути заключается в том, что США не имеют хорошей репутации, когда речь заходит о добросовестных переговорах с Ираном по основному вопросу, а именно по программе Ирана по обогащению урана. Еще в июне 2025 года администрация Трампа вступила в переговоры с Ираном по урегулированию ядерной проблемы, но использовала эти переговоры лишь как средство для того, чтобы заставить Иран ослабить бдительность накануне внезапного нападения Израиля, целью которого было свержение иранского режима.

Учитывая максималистскую позицию администрации Трампа в отношении ядерной программы Ирана (т. е. полный отказ от обогащения урана), а также другие вопросы, которые Трамп связывал с ядерной программой Ирана (баллистические ракеты и поддержка региональных союзников/прокси), вероятность успешного завершения переговоров казалась минимальной. Однако Иран, возможно, почувствовав нерешительность США в отношении своих военных угроз, согласился на переговоры, которые прошли в два этапа: первый — в Омане, а второй, который только что завершился, — в Женеве.

Трампу больше всего нужно было время — время для переброски военных ресурсов, необходимых для достижения целей более масштабной военной операции, направленной не только на свержение иранского режима, но и на подавление способности Ирана угрожать Израилю и арабским союзникам США в Персидском заливе с помощью своих баллистических ракет. Хотя совокупный

потенциал Израиля и США в области противоракетной обороны не смог помешать Ирану наносить удары по Израилю по своему усмотрению во время 12-дневной войны в июне 2025 года, новый боевой план Пентагон, по-видимому, предусматривает масштабные упреждающие меры по подавлению способности Ирана запускать ракеты — за счёт установления контроля над воздушным пространством в районах предполагаемого применения ракет. В сочетании с серьёзным усилением систем противоракетной обороны это должно минимизировать ракетную угрозу, исходящую от Ирана.

Стив Уиткофф и Джаред Кушнер в решающий момент добились успеха, убедив иранскую переговорную группу во главе с министром иностранных дел Аббасом Арагчи в том, что существует приемлемая рамочная основа для переговоров. Иранская сторона увезла её в Тегеран на двухнедельный срок, в течение которого планирует подготовить текст собственной позиции.

Но возможность представить этот иранский документ, скорее всего, так и не появится. Пока иранцы пытаются выработать язык дипломатии, администрация Трампа занималась развертыванием военной машины для атаки на Иран, которая произойдёт рано или поздно — в любом случае, она произойдёт. К сожалению, политическая логистика предопределяет такой исход.

Чтобы усилить противоракетную оборону сил и инфраструктуры США и их союзников, уязвимых перед иранскими ракетными ударами, Соединённым Штатам пришлось ослабить оборону в других стратегических регионах, таких как Тихоокеанский регион и Европа. По крайней мере две батареи THAAD были развернуты на Ближнем Востоке (одна в Иордании, другая в ОАЭ), что усилило уже имеющиеся две батареи (одна в Израиле, другая в Катаре). Это означает, что 50% структуры сил США по системе THAAD сосредоточены на Ближнем Востоке. По оценкам, до двух третей из 15 батарей системы Patriot армии США также могут быть развернуты в различных точках Ближнего Востока.

В апреле прошлого года одна батарея Patriot была переведена из Южной Кореи на Ближний Восток, что потребовало выполнения 73 отдельных рейсов на самолётах C-17. С 15 января 2025 года в район операций на Ближнем Востоке было выполнено более 142 рейсов C-17 — при этом 75 из них пришлось только на авиабазу Мууаффах Салти в Иордании.

Преднамеренное ослабление региональной воздушной и противоракетной обороны в стратегически важных районах мира не является устойчивой моделью с точки зрения глобальной безопасности. Это означает, что продолжающееся перераспределение сил противоракетной обороны на Ближний Восток не может служить долгосрочной структурой сил, а представляет собой положение, которое

можно поддерживать лишь ограниченное время. Более того, затраты, связанные с таким перемещением, чрезвычайно высоки; США не намерены повторять эту операцию регулярно, рассматривая её как одноразовое мероприятие, нацеленное на достижение конкретного результата — смену режима в Иране.

С установленным противоракетным щитом (который будет дополнительно усилен присутствием нескольких кораблей класса Aegis военно-морского флота США, действующих в составе двух авианосных ударных групп, в том числе USS Abraham Lincoln, находящегося в Аравийском море, и USS Gerald Ford, действующего в восточном Средиземноморье), США пока не перебрасывают последние силы, необходимые для проведения операции по смене режима в Иране — десятки современных истребителей, самолётов радиоэлектронной борьбы, дозаправки и разведывательных аппаратов. В сочетании с авиакрыльями двух авианосцев и десятками боевых самолётов, уже развернутых в регионе, это даст США возможность поддерживать непрерывное боевое присутствие над Ираном в течение нескольких недель.

Это масштабное наращивание боевой мощи США будет дополнять значительные силы ВВС Израиля, которые, скорее всего, не останутся бездействующими при любой скоординированной атаке на Иран с участием американских войск.

Во время 12-дневной войны Израиля с Ираном в июне 2025 года израильские силы специальных операций были развернуты на территории Ирана для проведения миссий по перехвату ракет. Очень вероятно, что подобные операции войдут в планирование миссии по атаке на Иран. Также высока вероятность создания отдельных «зон уничтожения» ракет в Иране для сил специальных операций США и Великобритании, обе из которых имеют опыт противоракетных операций, восходящий к Войне в Персидском заливе 1991 года.

Перемещение столь огромных боевых сил в условиях, определяемых геополитическими реалиями, требует от вооруженных сил США применения процессов, ранее известных как «Данные о поэтапном развертывании сил» (TPFDD). В ходе операции «Щит пустыни»/«Буря в пустыне» в 1990-1991 годах сложность TPFDD определила сроки начала конфликта. В 2003 году американские военные попытались оптимизировать процесс TPFDD с помощью новой системы, известной как «Запрос на силы» (RFF). Однако опыт проведения операции «Свобода Ирака» показывает, что сложности развертывания и последующее «формирование развертывания» RFF также определили сроки проведения OIF.

Текущая практика последовательного развертывания сил, известная как адаптивное планирование (AP), была предназначена для того, чтобы предоставить военному и гражданскому руководству больше гибкости в вопросах того, как и когда

развернутые силы США могут использоваться в боевых действиях. Однако АР не рассчитано на реагирование на такого рода крупномасштабное развертывание войск, которое сейчас происходит на Ближнем Востоке. Это означает, что в текущей ситуации вооружённым силам США пришлось возродить прежние методы TPFDD/RF, со всеми вытекающими последствиями для сроков выполнения оперативных задач. На данный момент текущее поэтапное развертывание американских войск, скорее всего, прошло точку невозврата, что означает: даже если бы президент Трамп захотел «выключить рычаг», инерция политических и военных сил, мобилизованных для миссии по смене режима в Иране, сделала бы это невозможным без неприемлемых рисков внутри страны и за её пределами.

Война с Ираном обернётся катастрофой для всех участвующих сторон. Нет никаких гарантий успеха со стороны США и Израиля, как и провала со стороны Ирана. Существует огромный риск того, что эта война приведёт к масштабным разрушениям критически важной энергетической инфраструктуры в одном из самых значимых регионов мира по добыче энергии, вызвав серьёзный кризис энергетической безопасности, способный обрушить региональные и глобальные экономики.

Итак, ключевой вопрос заключается в следующем: почему Дональд Трамп, человек, который шел на выборы с платформой мира, готов рискнуть потерей своей политической базы накануне критических промежуточных выборов, поставив на успешное проведение короткой войны с Ираном, которая приведёт к желаемой смене режима?

Простой ответ заключается в том, что у него просто нет выбора. Сочетание внутренней политической реакции на развертывание Трампом армии федеральных агентов на улицах американских городов и продолжающихся последствий публикации файлов Эпштейна серьёзно подорвало способность Трампа гарантировать, что Республиканская партия сохранит контроль над обеими палатами Конгресса в ноябре. Потеря Палаты представителей означала бы конец законодательной жизнеспособности оставшихся лет президентства Трампа, поскольку ему пришлось бы сталкиваться с повторяющимися инициативами о импичменте.

Единственная надежда Трампа компенсировать политические провалы, связанные с ICE и делом Эпштейна, заключается в том, чтобы добиться беспрецедентной военной победы над Ираном — чего ни один американский президент со времён Джимми Картера добиться не сумел.

А что если он потерпит неудачу? Многие наблюдатели рассматривают развертывание агентов DHS Трампом как генеральную репетицию введения военного положения, которое может быть введено в результате экономического коллапса, вызванного глобальным энергетическим кризисом, проявившимся вследствие неудачной попытки Трампа сменить режим в Иране. Военное положение дало бы Трампу возможность полностью ограничить проведение выборов или провести их таким образом, чтобы обеспечить победу республиканцев.

В любом случае, война с Ираном не будет войной, вызванной законными соображениями национальной безопасности, а скорее войной по выбору, вызванной внутренними политическими соображениями США — короче говоря, незаконной агрессивной войной, которая затмит в сравнении с собой вторжение и оккупацию Ирака в 2003 году. Это будет окончательным проявлением неспособности американского народа избрать ответственное руководство, а американской конституционной республики — привлечь безответственную исполнительную власть к ответственности перед законом.

Это станет окончательным ударом по американскому демократическому эксперименту — последней трансформацией от той великой идеи, которую заложили отцы-основатели 250 лет назад: страны, где господствовала свобода, — в ту самую тираническую империю, против которой американский народ восстал, стремясь обрести свободу при рождении своей нации.

Американская мечта о конституционной республике просуществовала почти 238 лет.

Пусть любое американское имперское стремление рухнет задолго до этого.

Молитесь, чтобы мы нашли способ сохранить эту мечту.

И это будет возможно только в том случае, если мы найдем способ остановить безумную гонку к войне с Ираном.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Трамп, Дональд   Иран   Израиль   США   Бессент, Скотт   Пезешкиан, Масуд   Вэнс, Дж. Д.
Арагчи, Аббас   Хамейни, аятолла Али   Исламская Республика   Моссад   ЦРУ
Раиси, Эбрахим   Виткофф, Стив   Пехлеви, Реза   Кушнер, Джаред
Народная организация моджахедов Ирана (НОМИ)   Моджахеддин-и-Хальк (МЕК)
Организация Моджахеддин-и-Хальк (МКО)   Римская империя   Швейцария   Пентагон
Европа   Армия США